

УДК 130.2+304.2+316.7

DOI 10.52928/2070-1640-2025-44-2-113-117

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

канд. филос. наук, доц. И. Н. КОЛЯДКО
(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматривается проблема конституирования социального порядка в условиях цифровизации основных сфер современного социума и трансформации под воздействием информационно-коммуникационных технологий актуальных социальных практик. Эксплицированы параметры и риски формирования новой цифровой реальности, ее социально-антропологические и социокультурные основания. Предпринята попытка теоретико-методологического осмысления проблемы формирования социального порядка. Акцент ставится на изучении «нормативной» трактовки вопроса о социальном порядке, объясняющей его существование через призму общепризнанных, разделяемых на межличностном уровне, норм и ценностей. В этой связи обосновывается ключевая роль культуры как системы общезначимых символических программ мышления и деятельности и культурной традиции как особого типа институализированного социокультурного опыта в легитимации социального порядка.

Ключевые слова: *социальный порядок, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, «ценностная конвенция», «символическая власть», культурная традиция.*

Введение. Проблема конституирования социального порядка выступает одной из ключевых в современных социально-философских и социально-гуманитарных исследованиях. В некоторых социально-философских подходах вопрос об упорядоченности становится основополагающим, определяющим фактором, что особенно актуально в периоды кризисных явлений. Тогда теоретическое значение порядка перерастает в насущную необходимость сохранения единства социума. История социально-философской мысли, таким образом, видится как эволюция идей о порядке, путях его установления, а также принципах, на которых строится целостность и устойчивость социальных систем. Американский философ П. Г. Кунтц даже отмечает, что «история понятия порядка столь же длительна и распространена, как и само человечество, и так же сложна, как сами науки и искусства» [1].

Ведущей проблема конституирования социального порядка остается для современных социальных исследований, поскольку в условиях социокультурных трансформаций и цифровизации основных сфер современного социума именно сохранение и поддержание социального порядка выступает основой конструктивных сценариев развития техногенной цивилизации. Впервые остро проблема социального порядка встала на заре Нового времени, в период становления цивилизации техногенного типа, когда происходил распад социальных институтов традиционного общества, сопровождаемый гражданскими и религиозными войнами. Вместе с тем при всем многообразии факторов, которые становились основанием экспликации феномена социального порядка, общим для многих подходов является его трактовка как *способа структурной организации общества на основе интересу-бъективных нормативных образцов и ценностных ориентаций, лежащих в основании надбиологических (символических) программ мышления и деятельности*. Не столько принуждение и, как его крайняя форма, насилие, сколько наличие в каждом обществе совместно разделяемых ценностей конституирует целостность социальной системы и обеспечивает ее стабильность. Именно этот тезис становится отправной точкой теоретических построений ряда крупнейших социальных философов и социологов.

Основная часть. Прежде чем перейти к рассмотрению главных теоретических и методологических подходов в изучении социального порядка, важно подчеркнуть, что проблема причин, обуславливающих возникновение, стабильность и потенциальную «деконструкцию» социального порядка, затрагивает один из наиболее фундаментальных аспектов человеческого существования. Нередко в социально-философском и социологическом дискурсах проблема конституирования социального порядка имплицитно выступает исходным элементом теоретических построений, являясь своего рода «ответом» на «вызовы», с которыми сталкивается любое общество в своем развитии. В сущности, *порядок* выступает онтологическим основанием любого социального бытия и взаимодействия, а *власть* предстает в качестве определенного способа установления нормативного порядка взаимодействия, базирующегося на принятии общих ценностей [2, с. 91]. Таким образом, именно ценности как надбиологические, сверхприродные факторы конституирования социального порядка выступают основанием легитимации социальных институтов и государства как формы организации власти в обществе, обеспечивающем его целостность и структурированность [2, с. 117].

В обществе модерна, в котором традиционные формы контроля и регулирования утрачивают свою силу, а ценности индивидуализма выходят на первый план, проблема поддержания социального порядка приобретает исключительную важность. Как отмечает в этой связи О.В. Кильдошов, «столь же конститутивным, сколь и травматическим для политической Современности является опыт регулярной дестабилизации обществ

в результате того, что акторы современного типа, т.е. атомизированные эгоистические индивиды, преследуя свои частные (групповые) интересы, разрушают институциональные основы координации и регуляции социального действия, ставя под вопрос саму возможность общественного порядка в условиях Модерна» [3, с. 123–124]. Современное общество, складывающееся из индивидов, стремящихся к наибольшей личной выгоде, подразумевает, что социальный порядок возникает на основе соглашения. Это ведет к осознанию важности решения проблемы порядка через институционализацию, а именно к созданию государства. Государство выступает гарантом соблюдения правил взаимодействия в обществе, где существует опасность конфликта интересов между всеми его членами. Именно таким предстает решение проблемы социального порядка у одного из крупнейших теоретиков эпохи Нового времени – Томаса Гоббса. Пожалуй, иное решение проблемы социального порядка в условиях особой социально-политической ситуации общества модерна, составной частью которой выступает структурный характер всеобщей конкуренции за ограниченные ресурсы, не представлялось возможным.

Тем не менее, предложенный Т. Гоббсом подход к урегулированию вопроса социального порядка, предоставляет широкий спектр перспективных направлений для современных моделей объяснения и оправдания оснований признания и сохранения социального порядка, опирающихся на различные виды инструментальной рациональности. Благодаря изменению аналитической перспективы, вопрос поддержания порядка постепенно трансформировался в социально-практическую задачу условий обеспечения стабильности социумов и эффективности их нормативно-правовой структуры. Достаточно остро данный вопрос поставлен Т. Парсонсом, который предлагает комплексный социально-философский анализ функционирования социальных систем с акцентом на выявление факторов поддержания целостности и стабильности общества. Ученый отмечает, что социальный порядок не устанавливается в результате реализации акторами индивидуальных стратегий максимизации калькулируемой личной выгоды, а конституируется на основе всеобщих нормативных принципов. Представление об установлении порядка исключительно на основе утилитарного расчета преимуществ представляется чрезмерно идеалистичным. Концепция Левиафана, когда последний возникает, как результат общественного договора, не может в полной мере объяснить зарождение упорядоченности из личных действий индивида. Использование принуждения в качестве средства структурного насилия и внешнего регулирования не всегда гарантирует устойчивость общественных систем. Как свидетельствует история, более жизнеспособными оказываются те системы, где легитимность общественного строя поддерживается участием отдельных лиц в общей системе признанных норм и ценностей.

Формирование социального порядка обусловлено взаимосвязанными нормативными установками. Социальные институты поддерживают установленный порядок посредством воспроизводства разделяемых большинством индивидов ценностей и моделей поведения. По мнению Т. Парсонса, согласованная социальная жизнь благодаря существованию общепризнанной системы ценностей становится реальностью даже при неясности во взаимных ожиданиях. Общая система ценностей, влияя на выбор средств достижения личных целей, обеспечивает возможность стратегического взаимодействия между людьми. Таким образом, социальный порядок и устойчивость в обществе являются следствием нормативной регуляции, основанной на ценностях, которые разделяются членами социума, поскольку «общество, – отмечает Т. Парсонс, – является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые, в свою очередь, легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму» [4, с. 22]. Ценности и нормы задают определенное видение социальной реальности, выступают социокультурной основой воспроизводства социальной системы, которая осуществляет свое развитие лишь при их сохранении и тем самым избегает аномии.

При этом ценностные регулятивы и нормы должны признаваться в качестве общезначимых, т.е. встраиваться в социально признанную (легитимную) категориальную модель мира, на что обратил внимание П. Вагнер, рассматривая проблемы динамики культуры модернити [5, с. 31–72]. Согласие общества по большинству принятых ценностей исследователь называет «ценностной конвенцией», которая ввиду рефлексивности социальной системы постоянно находится в процессе реинтерпретации, а с течением времени может оказаться неэффективной. Кризис связывается П. Вагнером с аксиологической дезинтеграцией, выражающейся в «невозможности жить в старых ценностях при одновременном отсутствии новых ценностей, которые бы возродили согласие» [цит. по 6, с. 54]. Интеграция общества, согласно ученому, возможна только посредством процесса реконвенционализации – признания новой системы ценностей в качестве легитимной. Эту теоретическую модель социальный философ применил к исторической динамике европейской культуры модерна, выявив амбивалентный статус кризисных этапов в процессах трансформации ее базисных оснований. Кроме того, П. Вагнер акцентировал внимание на определяющей роли ценностно-нормативных факторов в процессах социально-экономических и политико-институциональных трансформаций современных переходных обществ [5, с. 58].

Продолжая исследования проблемы формирования социального порядка, П. Бергер и Т. Лукман отмечают важную роль процессов *легитимации* в поддержании оснований базовой реальности повседневности. По их мнению, формирование социального порядка начинается с *хабитуализации*, или «опривычивания» совершаемых индивидами ежедневно рутинных действий. Социальное конструирование повседневности на данном этапе состоит в ее почти автоматическом воспроизводстве посредством культурной традиции, механизмов памяти, актуализации

значимого социокультурного опыта. Одновременно конструирование связано с упорядочиванием, рассматриваемым как способ структурирования социальной реальности. Следующий шаг в социальном упорядочивании – это *типизация*, которая заключается в распространении в социальной практике универсальных моделей взаимодействий, формирующих социальную структуру. Объектами типизации при этом становятся как представления субъектов социального взаимодействия, так и системы ценностно-нормативных ориентаций, которые фундируют социальные практики повседневности и таким образом упорядочивают социальную реальность. Нарушение повседневных практик в условиях резких социальных изменений ведет к разрушению сложившихся типизаций, образцов взаимодействия и, как следствие, социальной структуры и воспроизводства социального порядка.

Типизация невозможна без *институционализации* – процесса воплощения идей в конкретное общество, признающее их социально значимыми и превращающее в коллективные представления. Институты, помимо стандартизированных коллективных образов, охватывают роли и статусы, а также систему поощрений и общественного надзора для поддержания установленных правил. Они также включают в себя установленный порядок, общие стремления, убеждения и образцы действий (стандарты), а также различные организации, регламенты, законодательство и другие инструменты, предназначенные для удовлетворения разнообразных потребностей общества. Все эти компоненты направлены на обеспечение стабильности и упорядоченности общественной жизни. Однако без коллективных представлений, сформированных в процессе типизации, и без усилий, которые в условиях динамично развивающегося общества стремятся к установлению типизаций и формированию коллективных образцов через деятельность ученых, средства массовой информации, общественных организаций, литературы, искусства, образования социальная структура и работа институтов не могут быть устойчивыми. При этом П. Бергер и Т. Лукман акцентируют внимание на то, что в современном цифровом обществе именно технологии коммуникации и новые медиа выступают как средством приобщения к «символическому универсуму», определяющему способы социального упорядочения действительности, так и механизмом идентификации и проектирования идентичности в цифровой среде [7].

Частью институционализации и одновременно ее завершающим этапом является *реификация* – овеществление, при котором социальные по своему происхождению феномены воспринимаются как природные, естественные. На этом этапе актуальные социальные практики и иные способы упорядочения социальной реальности воспринимаются как «само собой разумеющиеся» и поэтому не проблематизируются.

И, наконец, четвертый уровень и способ социального конструирования реальности – *легитимация*. Это процесс, необходимый для передачи социальных институтов и практик следующим поколениям, а также для обоснования их существования в качестве необходимых элементов социальной структуры. Легитимация реализуется, прежде всего, посредством социализации и, прежде всего, систему образования, поскольку одной из задач последней является обязательное усвоение субъектами существующей в культуре системы легитимаций – объяснения и оправдания *институционального порядка*, различных его форм и ступеней. Различные уровни легитимации включают систему языковых объективаций человеческого опыта, теоретические утверждения, развитые теории и, что играет важнейшую роль в процессах социального упорядочения действительности, «символические универсумы». Последние представляют собой «системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности. ... Символический универсум понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума» [7, с. 157–158]. Символический универсум «интегрирует самые различные значения, существующие в повседневной жизни, классифицирует феномены в определенных категориях иерархии бытия, определяя сферу социального в этой иерархии; упорядочивает историю, связывая коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. С его помощью осуществляется упорядочение и интеграция разрозненных процессов и событий, все общество включается во всеобъемлющий смысловой мир» [7, с. 162–169].

Таким образом, представленная П. Бергером и Н. Лукманом модель социального конструирования реальности имплицитно содержит в себе теорию и практику социального упорядочения с акцентом на важнейшей роли символических форм в репрезентации действительности. Социальный порядок в современном информационном обществе достигается не столько путем принуждения и манипулирования, сколько посредством нормативной регуляции социального взаимодействия на основе интересубъективных ценностных паттернов, закрепленных традицией универсалий культуры. Данный вывод не является достижением исключительно теории социального конструирования реальности, получив свою дальнейшую разработку в современных интерпретациях феномена социальной упорядоченности действительности как фактора целостности общества и стабильности его развития. Поскольку функционирование и развитие любого общества предполагают наличие определенной социальной организации и социального порядка, то именно *государство* выступает формой властной организации общества, обеспечивающей его целостность посредством поддержания определенного ценностно-нормативного социального порядка [2, с. 117]. Не наличие формального аппарата легитимного насилия и контроля, а наличие системы социально значимых норм и ценностей, признаваемых большинством, – один из параметров государства как формы организации власти в обществе в целом.

В этой своей ипостаси государство решает задачу по сохранению целостности социальной структуры и поддержанию стабильности общества, а одним и эффективным средств реализации данной задачи выступает «символическая власть», которая, согласно П. Бурдьё, является специфическим типом власти по созданию или трансформации категорий восприятия и оценки субъектами социального мира, что оказывает влияние на его организацию [8]. Ученый связывает процесс социального упорядочения действительности с ее «двойным структурированием»: объективно – путем выявления сущностных, онтологических параметров социальной реальности; субъективно – путем производства и трансляции категорий мышления, формирующих и структурирующих наше восприятие социального мира. Как отмечает П. Бурдьё, «при помощи этих двух механизмов обыденное сознание создает целостный мир здравого смысла, или, по меньшей мере, вырабатывает минимальный консенсус в отношении социального мира» [9, с. 145]. Вместе с общепринятым пониманием и устоявшимся согласием относительно социального устройства сосуществуют различные взгляды и подходы к интерпретации и представлению социальной действительности. Это создает основу для *символической борьбы* за возможность формировать и утверждать конкретное видение законного порядка.

Основанный на определенной системе ценностей социальный порядок, а также тип социальности, «социальный мир», по П. Бурдьё, «постоянно поддерживаются и формируются за счет действий по конструированию и реконструированию структур, причем эти действия зависят в основном от позиций, занимаемых в этой структуре отношений теми, кто их производит» [10, с. 98]. Социальный порядок нуждается в непрерывном воспроизводстве для поддержания необходимого уровня устойчивости, самоидентификации социальной системы в условиях фрагментации локальных культурных традиций и унификации «жизненного мира» субъектов коммуникативного взаимодействия [11, с. 260]. Борьба за восприятие социальной реальности на символическом уровне также может проявляться в двух основных формах. Первая форма – *объективная* – включает действия, которые отражают индивидуальные или коллективные представления, зачастую предназначенные для выявления и акцентирования определенных аспектов действительности. Вторая форма – *субъективная* – фокусируется на изменении категорий восприятия и оценки социальной реальности, т.е. на *трансформации когнитивных и оценочных структур*. В этом контексте категории восприятия и системы классификаций, которые описывают и отражают социальную реальность, становятся ключевыми в символической борьбе за навязывание определенного мировоззрения и легитимизацию идеологического влияния. Таким образом, легитимизация социального порядка, вопреки общепринятому мнению, не является результатом целенаправленной пропаганды или символического воздействия. Скорее, она возникает из соответствия объективных структур социальной реальности и тех категорий восприятия, которые они формируют. Именно это обстоятельство, по мнению П. Бурдьё, приводит к тому, что люди склонны воспринимать окружающий мир и установившийся социальный порядок как нечто само собой разумеющееся.

Заключение. Осуществленный социально-философский анализ основных подходов к проблеме конструирования социального порядка позволяет сделать вывод о том, что в условиях цифровизации социальная стабильность с реализацией «символической власти» выступает особым способом самоорганизации социальной системы посредством ценностно-нормативного упорядочения связей и отношений между ее элементами. Формирование и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры оказывают существенное влияние на способы организации и упорядочения социокультурного пространства современного общества, формы трансляции и воспроизводства мировоззренческих универсалий, процессы легитимации и идентификации. При этом указанные изменения, связанные с проникновением и воздействием медиатехнологий на все сферы жизни, несут серьезные трансформативные последствия для социальной реальности. Социокультурное пространство последней становится все в большей степени специально сконструированным – особым символическим универсумом, в котором смыслы формируются преимущественно на основе технологий событийности и постправды. Но именно такая организация социальной реальности усиливает рефлексивность субъектов социальных взаимодействий, препятствуя распространению практик манипулирования общественным сознанием и способствуя развитию информационного общества на подлинно гуманистических принципах.

Литература

1. Kuntz P.G. Introduction // The Concept of Order / P.G. Kuntz (ed.). – Seattle: University of Washington Press, 1968. – P. ix–xxxix.
2. Голубев С.В. Идеология и государственность: теория и практика. – М.: Спутник +, 2018. – 215 с.
3. Кильдюшов О.В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социол. обозрение. – 2016. – Т. 15, № 3. – С. 122–149.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; науч. ред. пер. М.С. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
5. Wagner P. Sociology of modernity: liberty and discipline. – London; New York: Routledge, 1994. – XVI, 267 p.
6. Федотова В.Г. Механизмы ценностных изменений общества // Филос. науки. – 2010. – № 11. – С. 53–63.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
8. Бурдьё П. Различение. Социальная критика суждения вкуса / пер. с фр. О.И. Кирчик; науч. ред. Н.А. Шматко, В.В. Радаев // Экон. социология. – 2005. – Т. 6, № 3. – С. 25–48.

9. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / пер. с фр. В.И. Иванова // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.
10. Бурдые П. Социология социального пространства: [пер. с фр.] / общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
11. Колядко И.Н. Кризис религиозного сознания и «символическая власть» (пост)современной культуры // Религия и письменность как факторы формирования славянской культуры: сб. докл. XXIII Междунар. Кирилло-Мефодиев. чтений, 22–26 мая 2017 г. / Белорус. Экзархат Рус. Православ. Церкви, Христиан. образоват. центр им. св. Мефодия и Кирилла, Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла Белорус. гос. ун-та; ред.-сост.: С.И. Шатравский, С. Рогальский. – Минск, 2018. – С. 258–260.

Поступила 13.10.2025

SOCIAL ORDER IN THE DIGITAL AGE: MEDIA CONSTRUCTION TECHNOLOGIES

I. KOLYADKO

(Belarusian State University, Minsk)

This article examines the problem of constituting social order in the context of the digitalization of key spheres of modern society and the transformation of current social practices under the influence of information and communication technologies. The parameters and risks of the formation of a new digital reality, as well as its socio-anthropological and socio-cultural foundations, are explicated. An attempt has been made to provide a theoretical and methodological understanding of the problem of the formation of social order. Particular attention is paid to the analysis of the "normative" solution to the problem of social order, explaining the possibility of the latter through shared intersubjective norms and values. In this regard, the key role of culture as a system of generally valid symbolic programs of thought and activity and cultural tradition as a special type of institutionalized socio-cultural experience in the legitimization of social order is substantiated.

Keywords: social order, digitalization, information and communication technologies, "value convention", "symbolic power", cultural tradition.